

Василий Кузнецов*

ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ И КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ**

Аннотация: Так называемая проблема следования правилу, сформулированная Витгенштейном, получает интересные интерпретации при рассмотрении в социокультурном контексте. Для продуктивного и конструктивного обсуждения проблемы следования правилу в ее различных аспектах эвристично воспользоваться инструментарием концепции социальных эстафет, предложенной М. А. Розовым. Концепция социальных эстафет основывается фактически на всего лишь одном положении: люди подражают друг другу и учатся друг у друга. Ведь если вся человеческая культура, вся социальная память и все семиотические объекты представляют собой прежде всего социальные эстафеты, то и описывать, и исследовать, и понимать их нужно именно таким образом, поскольку в социальных эстафетах как раз и разворачивается практическое следование правилам и их изменения. Любое правило может быть представлено и передаваемо по социальным эстафетам или в виде некоторого писаного кодекса (инструкции, закона, рецепта), или в виде непосредственных образцов практического действия, которые дополняют друг друга. Поэтому стоило бы все-таки сделать следующий рефлексивный шаг и констатировать, что способы воспроизведения эстафет тоже передаются по эстафетам, а образцы демонстрируют также способы работы с образцами. Так что в противоположность классическим тождеству и различию — предположительно наличествующим — корректнее было бы утверждать, что правила выполняются в соответствии с произведенным отождествлением все новых предметов и действий с образцом. Отождествлением, устанавливаемым каждый раз заново в русле конкретной эстафеты и одновременно производящим различие со всеми остальными предметами и действиями. В этом смысле тождество и различие выступают результатом произведенных операций отождествления и различения, а согласие — результатом согласования. Так что непостижимо и неразрешимо парадоксальной проблема следования правилу видится только из классической перспективы логического позитивизма. Постнеклассический подход позволяет осмыслить и концептуализировать все многообразие соответствующих эффектов без излишнего и бесплодного редукционизма.

Ключевые слова: проблема следования правилу, концепция социальных эстафет, классическая философия, постнеклассическая философия, принцип дополнительности, порядок рефлексии, отождествление, различие.

Поставленная Витгенштейном проблема следования правилу остается сюжетом многочисленных бурных дискуссий — по-видимому, даже не

*Кузнецов Василий Юрьевич, к. филос. н., доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, vassilik@yandex.ru.

**© Кузнецов, В. Ю. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

столько потому что затрагивает очень чувствительный для гносеологии вопрос оснований нормативной точности науки, сколько потому, что предстает запутанным узлом переплетения весьма разнородных линий рассуждения. И даже исследователи, разбирающие эпистемологический аспект проблемы и стремящиеся ограничить ее этим аспектом, не могут обойтись без обращения к другим многочисленным аспектам (см.: Галанина, 2012). Для продуктивного и конструктивного обсуждения проблемы следования правилу в ее различных аспектах эвристично воспользоваться инструментарием концепции социальных эстафет, предложенной М. А. Розовым.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭСТАФЕТЫ

Концепция социальных эстафет основывается фактически на всего лишь одном положении: люди подражают друг другу и учатся друг у друга. «Воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам я и называю социальными эстафетами», — пишет М. А. Розов (Розов, 2012: 85). Возможно, из-за почти оскорбительной очевидности, почти тривиальности этого положения концепция социальных эстафет остается недооцениваемой, хотя она вполне последовательно приходит к весьма нетривиальным выводам. Ведь если вся человеческая культура, вся социальная память и все семиотические объекты представляют собой прежде всего социальные эстафеты, то и описывать, и исследовать, и понимать их нужно именно таким образом. «Социальные стандарты или нормы — это такие формы поведения, которые постоянно воспроизводятся в данном сообществе на уровне подражания» (там же: 83). Иными словами, в социальных эстафетах как раз и разворачивается практическое следование правилам и их изменения.

Поскольку социальные эстафеты представляют собой волновой процесс, способы их описания должны исходить из приоритета динамики, рассматривая эффекты устойчивости в качестве куматоида — стоячей волны¹. Используемые при этом средства влияют на результат наблюдения, заставляя проблематизировать и рефлексировать позицию наблюдателя, а также его включенность в собственные социальные эстафеты.

¹Розов приводит хороший пример: Московский университет остается Московским университетом, хотя меняются его официальные названия, строятся новые здания, сменяют друг друга поколения студентов и преподавателей.

Кроме того, в разворачивание социальных эстафет уже встроены определенные цели и ценности, что позволяет объяснять также их так или иначе проявляющуюся нормативность. Тем самым нельзя не признать, что концепция социальных эстафет базируется на принципиально постнеклассических² допущениях. А именно такие допущения, предпосылки и установки позволяют с помощью одного принципа трактовать в том числе и все многообразие аспектов проблемы следования правилу.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В своих «Философских исследованиях» Витгенштейн разбирает проблему следования правилу в основном на конкретных примерах. Тем не менее, у него можно найти и краткое общее описание: «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 163. Иными словами, проблема заключается в том, что для конкретной формулировки определенного правила не существует строго однозначных способов его применения, и наоборот, конкретные примеры реализации не отсылают напрямую к строго однозначной формулировке соответствующего правила.

Концепция социальных эстафет М. А. Розова наглядно демонстрирует механизмы проявления подобного эффекта. Любое правило может быть представлено и передано по социальным эстафетам или в виде некоторого писаного кодекса (инструкции, закона, рецепта), или в виде непосредственных образцов практического действия.

Имея образцы и действуя соответствующим образом, мы не можем зафиксировать правило нашего действия, то есть содержание образцов, ибо этого содержания просто нет, оно объективно не определено. А при попытке предусмотреть все возможные вариации и сформулировать общее правило действия, мы не можем предъявить образец реализации этого правила, ибо оно в принципе нереализуемо [...]. Итак, описание содержания образцов и описание соответствующих эстафетных структур взаимно дополнительные [...] Поскольку эстафеты — это базовый механизм социальной памяти, то

²Здесь и далее мы опираемся на концепцию постнеклассики, предложенную Стёпиным для науки (Стёпин, 1992: 28) и адаптированную нами для философии (Кузнецов, 2008).

можно говорить о дополнительной при описании содержания и строения социальной памяти (Розов, 2006: 205).

Принцип дополнительной в данном случае как раз и будет объяснением появления проблемы следования правилу.

ТОЖДЕСТВО И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Вся парадоксальность проблемы следования правилу проявляется также и в том существенном обстоятельстве, что, несмотря на невозможность строго однозначного решения о соответствии правила и его выполнения, в практической жизни люди как-то умудряются такое соответствие устанавливать. Витгенштейн отмечает: «Это — согласие не мнений, а формы жизни» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 170). Остается все же непонятным, как именно может быть установлено подобное соответствие, ведь, строго говоря, невозможно повторить (ср.: Делёз, Маньковская и Юровская, 1998) в точности ни одно действие — как, например, нельзя еще раз очистить уже очищенный фрукт или овощ. С другой стороны, «отдельно взятый образец в принципе не может быть однозначно воспроизведен в силу того, что все на все похоже в том или ином отношении [...]. Иными словами, образец сам по себе не задает четкого множества возможных реализаций», — подчеркивает М. А. Розов (Розов, 2006: 67). Много, однако, как образцов, так и правил, так что в этом смысле появляется возможность согласования.

Бибихин замечает по этому поводу: «Всякое следование однако сначала открывается как элементарно простое. Попадание в *то (же) самое* создает доходчивую ритмичность. На почве ритма возникает — через повторение того самого — некая протяженность. Она создана тожеством. За тожеством естественно следует нетожество — всякое тожество уже есть нетожество, — а с нетожеством появляется *другое*. Так элементарным следованием тому самому создается ряд вещей. Мы знаем это по себе как простейшее и исходное. Почему *все* не должно было возникнуть в том же порядке?» (Бибихин, 2005: 370). Иными словами, в постоянно повторяющейся практической деятельности разворачивается игра тожественного и различного. Для правильного срабатывания правила обязательно требуется наличие «некоторого правила идентификации, то есть распознавания „того же самого“, „подобного“, то есть ситуации [...] как именно той ситуации, когда правило уже применялось и, следовательно, уместно сейчас. Но это уже предполагает определенное знание,

существующее помимо знания правила и позволяющее правильно применять это правило, своего рода навык распознавания и отождествления» (Волков, 1998: 16). То есть требуется опознавать тождественные — в корректном, нужном и правильном смысле — ситуации.

Поэтому стоило бы все-таки сделать следующий рефлексивный шаг — в постнеклассическом стиле концепции социальных эстафет — и констатировать, что способы воспроизведения эстафет тоже передаются по эстафетам, а образцы демонстрируют также способы работы с образцами. Так что в противоположность классическим тождеству и различию — предположительно наличествующим — корректнее было бы утверждать, что правила выполняются в соответствии с произведенным отождествлением все новых предметов и действий с образцом. Отождествлением, устанавливаемым каждый раз заново в русле конкретной эстафеты и одновременно производящим различие со всеми остальными предметами и действиями. В этом смысле тождество и различие выступают результатом произведенных операций отождествления и различения (см.: Кузнецов, 2016), а согласие — результатом согласования.

СОЦИАЛЬНОСТЬ

Социальными эстафеты делает, конечно, вовсе не причастность к какой-то особой субстанции социального, наоборот — именно благодаря выполнению и воспроизведению эстафет возникают и могут устойчиво поддерживаться акторно-сетевые связи и отношения, делающие общество обществом (ср.: Латур, Полонская, 2014). Именно в социальном контексте и может происходить следование правилу, что было ясно еще Витгенштейну: «Невозможно, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т. д.» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 162). И дело здесь, по-видимому, не в коллективности как таковой, противостоящей индивидуальности³, или же социальности как воплощении более или менее конструктивистского выражения перформативно утверждающей себя конвенции⁴, но в выявлении действенных механизмов работы правил:

³Как это может показаться из дискуссии Крипке (Крипке, Ладов и Суровцев, 2010) и Бейкера с Хакером (Бейкер и Хакер, Ладов и Суровцев, 2008).

⁴Как это в различных версиях представлено Блуrom (Bloog, 1997) и Макгинном (McGinn, 1984).

Если эстафетный механизм все же постоянно срабатывает, то только потому, что мы имеем дело не с одним, а с множеством образцов, ограничивающих друг друга; образец становится образцом только в контексте других образцов, других эстафет, только в составе определенных эстафетных структур. Это означает, что понять механизм эстафет нельзя в рамках элементаристских представлений: отдельно взятых эстафет просто не существует и не может существовать, они возникают в рамках некоторого эстафетного универсума, в рамках определенной социальной среды (Розов, 2006: 67).

Тем самым нелокальные и нелокализуемые эстафеты могут локализовать и в достаточной степени фокусировать и нормировать воспроизводство образцов — по крайней мере, в пределах практической необходимости.

ПРАКТИКИ

Выполнение правила — это практическое действие; реализация правила — это практическая интерпретация. Уже у Витгенштейна вполне определенно сказано: «Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы — все это практики (применения, институты)» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 162). А значит, необходимо рассмотреть практическую деятельность с точки зрения правил и их воплощения.

Характерно, что Бурдье, строивший свою социологию именно как изучение практик, обнаруживает, что практическая правилосообразность — практический смысл — принципиально отличается от теоретических моделей исследователей: «В наиболее парадоксальном свойстве габитуса — *невыбираемом принципе всякого „выбора“* — кроется разрешение парадокса об информации, необходимой, чтобы уйти от информации» (Бурдье, Бикбов и др., 2001: 119)⁵. Отсылка к формальным правилам оказывается способом самооправдания своих действий:

Подобно тому как при обучении теннису, игре на скрипке, шахматам, танцу или боксу приходится разлагать на отдельные позиции, движения или удары такие практики, где все эти искусственно выделенные элементарные частицы поведения интегрированы в единстве организованной и целенаправленной практики, — так же и информаторы склонны излагать нам либо общие правила (всегда с исключениями), либо особо примечательные «приемы», не будучи в состоянии теоретически освоить ту практическую матрицу, что

⁵Витгенштейн подчеркивает: «Повинуясь правилу, я не выбираю. Правилу я следую *слепо*» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 167).

способна порождать все эти приемы, и владея этими приемами лишь на практике [...]. Наиболее хитрая ловушка состоит здесь в том, что агенты охотно прибегают к двусмысленному языку *правил* (грамматическому, моральному или юридическому), дабы объяснить социальную практику, подчиняющуюся совсем иным принципам, и тем самым скрывают от самих себя, в чем истинная суть их практического умения, — это *ученое неведение*, то есть особый способ практического знания, не включающего в себя знание своих принципов (Бурдые, Бикбов и др., 2001: 200–201).

Таким образом, отсылка к правилам сама тоже включается в практики действия. Бурдые напоминает нам, что при характеристике социальной реальности мы должны учитывать и правила — и даже если мы отрицаем, что они настолько же реальны и действенны, как, например, природные факты, мы должны учитывать, что следование им может быть просто выгодным — и эта выгода может стать основным мотивом поведения, направленного на приобщение к правилу, на то, чтобы представить собственные интересы как ценности, разделяемые группой. При этом одно и то же действие вполне может одновременно следовать различным правилам:

Стратегии, прямо нацеленные на ту или иную первичную выгоду (скажем, на получение социального капитала благодаря удачному браку), часто сопровождаются стратегиями второго порядка, направленными на то, чтобы видимым образом удовлетворить требованиям официального правила и тем самым не только удовлетворить свой интерес, но и снискать престиж, который повсеместно приносят поступки, лишённые какой-либо видимой детерминации, кроме соблюдения правил (там же: 214).

М. А. Розов, обращаясь к известной притче о строительстве Шартрского собора, также демонстрирует, что различные социальные эстафеты, предполагающие следование различным правилам, могут при определенных условиях согласовываться и выполняться одним поступком:

Спросили трех человек, каждый из которых катил тачку с камнями, что они делают. Первый пробормотал: «Тачку тяжелую качу, пропади она пропадом». Второй сказал: «Зарабатываю хлеб семье». А третий ответил с гордостью: «Я строю Шартрский собор!» [...] У каждого из опрошенных мы наблюдаем один и тот же набор действий. Иными словами, с точки зрения физики или физиологии они делают одно и то же. Однако деятельности их существенно различны, ибо различны цели и лежащие в их основе ценностные ориентации. [...] В каждом акте деятельности можно выделить, по крайней мере, два результата: основной, то есть продукт деятельности, и побочный.

Меняя их местами, мы получаем рефлексивно симметричные акты, которые взаимно преобразуются друг в друга путем рефлексивной ценностной переориентации [...]. До поры до времени они эмпирически неразличимы, но становятся явными, когда симметрия нарушается (Розов, 1987: 5–6).

Тем самым следование различным правилам оказывается практически достижимым. Впрочем, пока рефлексивная симметрия сохраняется, для внешнего наблюдателя будет невозможным определить, какому именно правилу в рамках соответствующей эстафеты происходит следование.

ИГРЫ

Следование правилам задает и определяет игры. К своей концепции языковых игр Витгенштейн переходит, отталкиваясь от обсуждения правил. Он пишет, что правило может быть сообщено учащемуся как часть инструкции при обучении игре, оно может выступать в качестве инструмент самой игры или может быть выведено обучающимся при наблюдении за игрой других. Правила признаются существующими, так как могут быть обнаружены, «вычислены» из практики самой игры «как некий закон природы, которому подчиняются действия играющих» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994: 105). При этом Витгенштейн отмечает, что наблюдатель может вычислить в поведении игрока не только правило, но и ошибку — например, заметив попытку ее исправления. Иными словами, реализация правил в тех или иных практиках, передаваемых по социальным эстафетам, образует целостные и устойчивые паттерны интегрированных наборов действий, опознаваемых в качестве более или менее определенных игр. Бурдье пишет:

Чувство игры — продукт опыта игры, а следовательно, объективных структур игрового пространства — это то, что придает игре субъективный смысл, то есть значимость и смысл существования, а также направление, ориентацию, место, куда должны прийти [...] ее участники, которые своим участием признают ставки игры (это *illusio* в смысле *инвестирования* в игру и ее ставки, *интерес* к игре, согласие с ее допущениями, то есть *доксой*) (Бурдье, Бикбов и др., 2001: 128–129).

И в этом смысле именно принятые и исполняемые правила игр, встроенность в продолжаемые эстафеты задает и определяет смыслы и ценности людей.

Удивительно, что В. В. Волков, тонкий и вдумчивый исследователь правил и практик, так настойчиво пытается противопоставлять игры «аутентичному бытию», реальности, экзистенциальной самоотдаче

и поступкам. Он пишет: «Игра — это имитация, облегченный вариант реальности, особенно в части нежелательных последствий. У игр договорная природа, и люди так или иначе управляют игрой, определяя ее правила и участников» (Волков, 2009: 56).

Из игры можно выйти, в нее можно и не играть, если риск слишком большой. Тем самым можно отменить или не признавать реальность содержания игры и показать конструктивистский характер всех ее «фигур» или «объектов». Но разница, о которой мы говорим здесь и которая проблематизирует переход от социального института к условиям его возможности (то есть то, что он предельно реален), может быть понята как различие в типах самоотдачи. Футбол есть игра и, одновременно, есть спорт как социальный институт или традиция. Прервать игру — это одно, а перестать быть спортсменом — совсем другое (Волков, 1998: 25).

Как будто социальный институт или традиция не будут тоже эстафетами или определенными играми, пусть и другими, разворачивающимися по другим правилам. И ведь Бурдые не зря подчеркивал, что «социальные поля, будучи результатом медленных и длительных процессов автономизации, являются, так сказать, играми в-себе, а не для-себя: нельзя сознательно войти в такую игру, в ней и с ней рождаются; а отношение верования, *illusio*, самоотдачи тем более тотально, безусловно, чем более оно игнорируется» (Бурдые, Бикбов и др., 2001: 130). Так что игры вполне могут быть неустранимо и неотменимо реальными, ставя на кон важнейшие и серьезнейшие ценности, включая экзистенциальные поступки и их необратимые последствия (см. Переслегин, 2005: 26). Поэтому усваивание различных — писанных и неписанных — правил и следование им, включение в разнообразные игры и практики, встраивание в многочисленные социальные эстафеты дает субъекту возможность не только выбирать из имеющихся образцов, но и воспроизводить также способы их изменения, строя свою жизнь стратегически.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Однако это не происходит и не может происходить автоматически. По замечанию Бейтсона, «жизнь — игра, чья цель состоит в открытии правил и чьи правила всегда изменяются и никогда не поддаются открытию» (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 52). Поэтому

паттерны, определяющие правильное и позволительное поведение, чрезвычайно сложны (особенно языковые правила), и балиец пребывает в постоянной тревоге, как бы не ошибиться (даже до некоторой степени в своей собственной

семье). Более того, эти правила не таковы, чтобы их можно было суммировать либо простым рецептом, либо эмоциональной тенденцией. Этикет нельзя вывести ни из неких исчерпывающих положений, касающихся чувств других людей, ни из уважения к вышестоящим (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 151).

Иными словами, на этом примере можно видеть очередную версию парадокса следования правилу.

Тем не менее, многообразие социальных эстафет дает возможность маневра. Об этом (правда, немного в других терминах) пишет Папуш, когда утверждает, что человеком можно стать, только социализируясь, знакомясь с социальными нормами, то есть с правилами и «раскладом» социальных ролей, принятых в данной культуре. При этом Папуш отмечает, что в условиях традиционной культуры человеку обычно нечего этому противопоставить: он может только признавать, что мир устроен так, а не иначе, и, в определенных случаях, радоваться тому, что занимает в социуме относительно удачное положение. Однако, тут же добавляет Папуш,

замкнутая и полностью воспроизводящаяся традиционная культура — абстракция, которая вряд ли когда-либо реально воплощалась. Всякая реальная культура неоднородна, а уж наше вавилонское столпотворение — и подавно. С самого начала «очеловечивания» младенца мама говорит одно, папа — другое, а бабушка — третье. Реально же с ребенком сидит няня, которая почти ничего не говорит, но делает четвертое или пятое. И это, как мы уже не раз описывали, создает для ребенка необходимость и возможность *выбора* (Папуш, 2001: 471–472).

Такой выбор и будет в полном смысле слова экзистенциальным, поскольку делающий его человек выбирает себя, свой способ и образ жизни. И передаваемые и принимаемые по социальным эстафетам правила и способы воспроизводить и комбинировать различные эстафеты предоставляют для этого средства и инструменты.

ОШИБКИ

Конечно, тут не обходится без ошибок, причем различных типов. Например, набитый дурак из русской народной сказки говорит мужикам, несущим покойника, мол, носить вам — не переносить, поскольку именно это советовали ему говорить в прошлой ситуации (когда мужики молотили горох) (см.: Народные русские сказки..., 1984–1985:

т. 3, 130–131). Это случай прямого переноса правил из одной ситуации в другую — очевидно (для нас, но не для дурака) принципиально отличающуюся от первой.

Бейтсон рассматривает другой тип ошибок. Он замечает, что игрок может ошибаться, когда он принимает решение, исходя из доступной ему информации — которая может быть весьма ограниченной. Он предполагает, что ход, сделанный им, будет наиболее правильным, однако впоследствии, получив больше информации, он может понять, что принятое решение было ошибочным. Однако Бейтсон обращает внимание, что

это открытие ничего не может прибавить к его будущим навыкам. По определению, игрок правильно использовал всю доступную информацию. Он правильно оценил вероятности и сделал ход, который был правильным с наибольшей вероятностью. Открытие того, что в некоторый момент он ошибся, не может иметь отношения к будущим ситуациям. Если впоследствии возникнет та же проблема, он проделает те же вычисления, придет к тем же решениям *и будет прав*. Более того, набор альтернатив, из которого он будет делать свой выбор, будет все тем же набором. И это правильно (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 307).

Иначе говоря, характер ошибки определяется способом интерпретации той или иной ситуации, способом понимания или непонимания того, как данная ситуация встраивается в некоторую социальную эстафету или в качестве образца для применения какого правила она должна рассматриваться.

Впрочем, ошибки — это вовсе не всегда плохо. Ведь «человеческие сообщества создают культуру в результате ошибок, неудачных попыток, промахов, заблуждений и недоразумений. Люди, намереваясь сделать одно, в действительности делают совсем другое» (Лем, Векслер, 2003: 124). При этом «культура — это орудие адаптации нового типа, ибо она не столько *сама* возникает из случайностей, сколько служит тому, чтобы все, что в наших условиях является *случайным*, засияло в ореоле высшей и совершенной необходимости» (там же: 128). Иными словами, дело не в том, что избавление от ошибок приближает нас к истине, и даже не в том, что в результате ошибочного действия можно случайно получить полезный результат (хотя такие эффекты и наблюдаются), но в том, что совершение ошибок помогает нам понять правила.

Контекст как метасообщение помогает нам понять сообщенное, но не может его заменить, — подчеркивает Бейтсон и далее поясняет свою мысль, замечая, что знание контекста может поменять модальность

сообщения (продемонстрировать его юмор, метафорику и т. д.), сделать его неуместным или указать на последствия. Однако у всех этих модификаций есть свои пределы:

Контекст может говорить получателю все что угодно *по поводу* сообщения, но он никогда не может разрушить его или прямо противоречить ему. «Я солгал, когда сказал: „Кот лежит на подстилке“» — это ничего не говорит *vis-a-vis* о нахождении кота. Это говорит только о надежности предыдущей информации. Существует пропасть между контекстом и сообщением (или между метасообщением и сообщением), которая имеет ту же природу, что и пропасть между вещью и словом или знаком, означающим ее, или между членами класса и именем класса. Контекст (метасообщение) *квалифицирует* сообщение, но никогда не может встретиться с ним на равных основаниях (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 271).

Тем самым, правила для понимания и применения правил тоже не дают однозначного решения. Из-за этого может показаться, что надо просто и последовательно разводить уровни коммуникации и рефлексии по разным эстафетам, не путая их, чтобы избежать трудностей и парадоксов. Однако

предположение, что люди могли бы или должны подчиняться Теории Логических Типов, не просто естественнонаучная ошибка; люди не делают этого не просто от беззаботности или невежества. Дело в том, что парадоксы абстрагирования должны возникать в любой коммуникации, более сложной, чем обмен сигналами состояний (*mood-signals*), и без этих парадоксов эволюция коммуникации закончилась бы. Жизнь состояла бы в бесконечном обмене стилизованными сообщениями, была бы игрой по жестким правилам, не оживляемой переменами или юмором (там же: 220)⁶.

Иными словами, сама возможность продолжать эстафеты различным, недетерминированным образом оказывается продуктивной.

СМЫСЛЫ

То или иное выполнение правила, воплощающее его практическое понимание и продолжение соответствующей эстафеты, определяется извлекаемым так или иначе смыслом, причем этот смысл далеко не

⁶«Мимоходом отметим, что правило Рассела не может быть установлено без нарушения правила. Рассел настаивает, что все элементы несоответствующего логического типа должны быть исключены (например, при помощи воображаемой линии) из фона любого класса, т. е. он настаивает на проведении воображаемой линии именно такого типа, который он запрещает» (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 217).

всегда может быть адекватно выражен словами (ср.: Делёз, Свирский, 2011: 27). Подобные эффекты воспроизводятся при обучении компьютеров: нейронные сети, натренированные выдавать нужный результат — например, выигрывать у человеческих чемпионов в шахматы или го, — не содержат эксплицитной эвристики получения такого результата и, тем самым, не могут объяснить, как именно, какими именно шагами (резонами, аргументами) такой результат достигается.

Это как раз очень похоже на специфику деятельности человеческого разума, о которой нам напоминает Бейтсон:

Ясно, что в разуме (mind) нет объектов или событий — нет свиней, нет кокосовых пальм и нет матерей. Разум содержит только трансформы, перцепты, образы и т. д., а также правила создания этих трансформ и перцептов. Мы не знаем, в какой форме существуют эти правила, однако предположительно они включены в саму «машинерию», создающую эти трансформы. Мы далеко не всегда отдаем себе отчет в том, что эти правила и есть сознательные «мысли» (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 294).

И это заставляет поставить вопрос о субъекте действия.

СУБЪЕКТНОСТЬ

То, что делает субъекта субъектом, — субъектность — предполагает способность принимать решение, то есть выбирать из смоделированных вариантов действия в так или иначе распознанной ситуации, практическая возможность чего обеспечивается с помощью воспроизведения социокультурных эстафет; с помощью следования правилам, которые не могут гарантировать автоматического результата, тем более в быстро изменяющихся условиях.

Самое важное, что это — не столько «привилегия» или «завоевание демократии», сколько жесткая реальность нашего «современного», «модерного» (или даже пост-модерного) общества. Эта реальность состоит в том, что культуры перемешиваются, социокультурные традиции, на которые в устойчивых традиционных обществах люди могли опираться, больше не обеспечивают «нормальности» даже элементарного социального поведения (Папуш, 2001: 470).

Поэтому каждому человеку приходится совершать выбор при отсутствии очевидных вариантов.

Для выявления механизмов, поддерживающих выбор и повышающих вероятность удачного решения, Латур, следуя разрабатываемым им принципам акторно-сетевой концепции, стремится использовать действенные компьютерные метафоры.

Выразительность метафоры плагиата связана с тем, что компетентность приходит не оптом, а буквально битами и байтами. Не надо представлять себе человека «целиком», наделенным интенциональностью, делающим рациональные расчеты, чувствующим ответственность за свои грехи или сокрушающимся о своей смертной душе [...]. Если быть реалистами, то целое — не бесспорная отправная точка, а временный продукт сложной сборки (Латур, Полонская, 2014: 289–290).

И далее Латур резонно задается такими риторическими вопросами:

Сколько циркулирующих клише надо усвоить, чтобы быть в состоянии высказаться о фильме, компаньоне, ситуации, политическом положении? Если вы начнете искать источник каждой из своих индивидуальных черт, разве не развернется перед вами все та же звездообразная форма, которая и обращает вас к местам, людям, периодам, событиям, большинство из которых вы забыли? Эта тональность голоса, это необычное выражение, это движение руки, эта походка, эта поза, — разве все это не следы?.. Теперь возьмем ваши внутренние чувства. Разве они вам не даны? Разве чтение романов не помогает вам научиться любить? Как бы вы узнали, к какой группе принадлежите, если бы не непрерывная загрузка культурных клише, которыми вас бомбардируют другие? (там же: 291).

В этом смысле «все не укорененное в традиции — плагиат»⁷, то есть оказывается в плену других, некритически заимствованных традиций или социокультурных эстафет.

Чтобы быть или стать проектом⁸, человек должен владеть соответствующими инструментами, встроиться в соответствующие эстафеты, уметь воспроизводить правила. И неоднозначность подобного встраивания и воспроизводства оказывается источником проблем, отмечает Бейтсон.

Кажется, что люди, чья жизнь обогащена дарами трансконтекстуальности, и люди, измученные трансконтекстуальным замешательством, в одном отношении похожи: для них всегда или часто существует возможность «двойного прочтения» («double take»). Падающий лист, приветствие друга, «дикий шиповник у реки» не есть «только это, и больше ничто». Внешний опыт может быть вставлен как кадр (framed) в контекст сна, внутренняя мысль может проецироваться в контексты внешнего мира. И так далее. Всем этим вещам мы ищем частичное объяснение в обучении и опыте (Бейтсон, Федотов и Пануш, 2000: 295).

⁷Эту фразу (которая принадлежит Э. Д'Орсу) приписывают Сальвадору Дали (Петряков, 2008: 34).

⁸Сартр говорил: «Человек — это прежде всего проект» (Сартр, Санин, 1989: 323).

Но, тем не менее, именно такая неоднозначность и предоставляет условия возможности для творчества.

ТВОРЧЕСТВО

На минимальном уровне воспроизведения правил тех или иных эстафет творчество практически не отличается от ошибки. Более высокий уровень определяется выходом на метаконтекст и метаправила. Подобные эффекты и рассматривает Бейтсон.

Тем не менее, есть возможность начать (хотя, возможно, и не завершить) некоторый вид отображения формальных связей внутри системы, содержащей избыточность. Рассмотрим конечную совокупность объектов или событий (скажем, последовательность букв или дерево) и наблюдателя, который уже информирован обо всех правилах избыточности, поддающихся распознаванию (то есть имеющих статистическую значимость) в этой совокупности. Тогда возможно очертить границы областей совокупности, внутри которых наблюдатель способен осуществлять угадывание, превышающее случайное. Следующий шаг к локализации достигается рассечением этих областей такими линиями, что из того, что находится по одну сторону, осведомленный наблюдатель может сделать догадку о чем-то, что находится по другую сторону. Однако такое отображение распределения паттернов принципиально не может быть завершено, поскольку мы не рассматривали источник предварительного знания наблюдателя о правилах избыточности. Если же мы теперь рассмотрим наблюдателя, не имеющего предварительного знания, становится ясно, что он мог бы открыть некоторые релевантные правила на основании восприятия чего-то меньшего, чем целая совокупность. Он мог бы затем использовать свое открытие для предсказания правил для остальной части, правил, которые были бы правильными, хотя и не подтверждались бы примером. Он мог бы обнаружить, что «h» часто следует за «t», даже если остальная часть совокупности не содержала бы примеров этой комбинации. Для этого порядка феноменов необходим другой порядок линий разметки — необходимы металинии (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 374).

Но тут как раз и появляются различные дополнительные опасности и возможности. Бейтсон выделяет «два аспекта генезиса трансконтекстуального синдрома. Во-первых, ставя млекопитающее в положение неправоты согласно его собственным правилам осмысления важных отношений с другим млекопитающим, можно вызвать у него крайнюю боль и дезориентацию. Во-вторых, если удастся парировать или сопротивляться этой патологии, опыт такого рода, взятый в целом, может способствовать *творчеству*» (там же: 300). И это будет тогда уже не

простое комбинирование известных действий ли операций, но создание нового на новом уровне.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ

Если следование правилу уже представляет собой проблему, то еще более проблематичным оказывается изменение правил — тем более что оно должно будет осуществляться в процессе продолжающейся коммуникации, в процессе продолжающейся игры жизни. Для постановки проблемы в таком ракурсе и ее адекватного осмысления в том числе и средствами концепции социальных эстафет потребуется использовать все более и более высокие порядки рефлексии (см. Кузнецов, 2008). Бейтсон показывает это на материале психотерапии, отмечая, что после успешной терапии пациенту могут быть свойственны определенные правила мысли и действия (зачастую являющиеся не-вербализованными и даже бессознательными), отличающиеся от тех, которые были у него до терапии. Из этого следует, что «в процессе терапии должна была осуществляться коммуникация на мета-уровне по отношению к этим правилам — коммуникация относительно изменения правил» (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 218). А это оказывается самым сложным. Для иллюстрации действия подобных эффектов Бейтсон приводит остающийся до сих пор актуальным пример.

Сегодня государственные департаменты некоторых стран используют теорию игр и компьютерную симуляцию как способ принятия внешнеполитических решений. Сначала они идентифицируют то, что кажется правилами игры в международных отношениях. Затем они рассматривают географическое и национальное распределение сил, вооружений, стратегических пунктов, поводов для недовольства и т. д. Затем они просят компьютер рассчитать, каким должен быть наш следующий ход, чтобы наши шансы проиграть игру были минимальными. Компьютер скрежещет, тужится и выдает ответ, после чего возникает искушение подчиниться компьютеру. В конце концов, если вы следуете компьютеру, на вас ложится несколько *меньшая ответственность*, чем при использовании собственного разума. Но, следуя совету компьютера, вы самим этим шагом утверждаете, что поддерживаете *правила игры*, введенные вами в компьютер. Вы подтверждаете правила этой игры. Без сомнений, нации «по другую сторону» также имеют компьютеры, тоже играют в подобные игры и подтверждают правила игры, введенные ими в их компьютеры. В результате появляется система со все более и более жесткими правилами международных отношений. Осмелось утверждать, что в изменении нуждаются правила международных отношений. Вопрос не в том, что нам лучше сделать в рамках существующих правил. Вопрос в том, как нам

уйти от тех правил, по которым мы действовали в течение последних десяти или двадцати лет либо даже со времен Версальского договора. Проблема состоит в *изменении правил* (Бейтсон, Федотов и Папуш, 2000: 442-443).

И эта проблема остается по-прежнему нерешенной.

Таким образом, непостижимо и неразрешимо парадоксальной проблеме следования правилу видится только из неклассической перспективы логического позитивизма. Постнеклассический подход позволяет осмыслить и концептуализировать все многообразие соответствующих эффектов без излишнего и бесплодного редукционизма. Не в том смысле, конечно, что проблема следования правилу рассеивается при более строгой постановке или обретает полное и окончательное решение, а в том, что становится более понятным механизм ее возникновения в качестве конкретной реализации принципов неопределенности и дополненности, неустранимость которых не только не мешает практическим решениям, но открывает новые возможности. Последовательное применение концепции социальных эстафет применительно к проблеме следования правилу в различных контекстах предоставляет достаточно эвристичные инструменты и средства для дальнейшей разработки ее решений, в том числе и в аксиологическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейкер Г. П., Хакер П. М. С.* Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. — М. : Канон+, 2008.
- Бейтсон Г.* Экология разума / пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М. : Смысл, 2000.
- Бибихин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- Бурдьё П.* Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова [и др.]. — М., СПб. : Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2001.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. 1 / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994. — С. 75-319.
- Волков В. В.* «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. — 1998. — № 3/4. — С. 13-26.
- Волков В. В.* Слова и поступки // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8, № 1. — С. 56-60.
- Галанина К. Э.* Проблема следования правилу в эпистемологии: характер знания и трансформация концепта субъекта : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Галанина К. Э. — МГУ им. Ломоносова, 2012.

- Делёз Ж.* Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. — СПб. : Петрополис, 1998.
- Делёз Ж.* Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Академический проект, 2011.
- Кришке С. А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. — М. : Канон+, 2010.
- Кузнецов В. Ю.* Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2008. — № 1. — С. 3–18.
- Кузнецов В. Ю.* Различение и отождествление как базовые операции конституирования единства мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2016. — № 1. — С. 27–34.
- Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Лем С.* Культура как ошибка / пер. с пол. Л. Векслер // Библиотека XXI века. — М. : АСТ, 2003. — С. 122–136.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. — М. : Наука, 1984–1985.
- Папуци М.* Психотехника экзистенциального выбора. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2001.
- Перелегин С. Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. — М., СПб. : АСТ, Terra Fantastica, 2005.
- Петряков А. М.* Сальвадор Дали. Божественный и многоликий. — М., СПб. : Питер, 2008.
- Розов М. А.* Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 5–27.
- Розов М. А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. — Смоленск : СмолГУ, 2006.
- Розов М. А.* Основные положения теории социальных эстафет // Философия науки в новом видении. — М. : Новый хронограф, 2012. — С. 82–107.
- Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А. А. Санина // Сумерки богов. — М. : Политиздат, 1989. — С. 319–344.
- Стёпин В. С.* Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. — М. : ИФ РАН, 1992. — С. 3–16.
- Bloor D.* Wittgenstein, Rules and Institutions. — London : Routledge, 1997.
- McGinn C.* Wittgenstein on Meaning. An Interpretation and Evaluation. — Oxford : Blackwell, 1984.

Kuznetsov, V. Yu. 2017. "Problema sledovaniya pravilu i kontsepsiya sotsial'nykh estafet [The Problem of Rule-Following and the Concept of Social Relay]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* I (3), 105-125.

VASILY KUZNETSOV

PHD IN PHILISOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR IN THE ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE
DEPARTMENT, FACULTY OF PHILOSOPHY, MOSCOW STATE UNIVERSITY

THE PROBLEM OF RULE-FOLLOWING AND THE CONCEPT OF SOCIAL RELAY

Abstract: The problem of rule-following as formulated by Ludwig Wittgenstein has interesting implications when applied to a sociocultural context. For a constructive discussion of this problem it is productive to apply to it the instruments of the theory of social relay proposed by Mikhail Rosov. The concept of social relay is based on one rather simple proposition: that people imitate each other's behavior and learn from each other. If we assume that the whole human culture, social memory and all semiotic objects are social relays in the first place, then we should describe, research and understand them in this way, because in social relay the practice of rule-following and rule-changing is enacted. Every rule can be represented and transferred via social relay either as a written codex of some kind (e.g. an instruction manual, a law, a recipe) or as direct examples of practical actions. These modes compliment each other. It is therefore productive to take the next step and claim that the ways in which social relays are reproduced are also passed on as social relays, and the examples also demonstrate the methods of using the examples. So, in contrast to the classical view of identity and difference as supposedly present in the things themselves, it would be more correct to claim that rules are enacted according to the identification of the new things and actions with the exemplars. This identification is established anew every time in the course of a particular relay and simultaneously produces the difference from all the other things and actions. In this sense, identity and difference appear as a result of the operations of identification and differentiation, and a consensus as a result of coordination. So, the problem of rule-following appears as an unsolvable paradox only from the classical perspective of logical positivism. Postnonclassical approach allows us to conceive of the whole range of its effects without the unnecessary and pointless reductionism.

Keywords: Rule-Following, Social Relay, Classical Philosophy, Non-Classical Philosophy, Additivity, Reflexive Levels, Identification, Difference.

REFERENCES

- Beyt-son, G. [Bateson, G.] 2000. *Ekologiya razuma [Steps to an Ecology of Mind]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Ya. Fedotov and M. P. Papush. Moskva [Moscow]: Smysl.
- Bibikhin, V. V. 2005. *Vitgenshteyn: smena aspekta [Wittgenstein: Aspect Shift]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Bloor, D. 1997. *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London: Routledge.
- Burd'ye, P. [Bourdieu, P.] 2001. *Prakticheskiy smysl [Le Sens pratique]* [in Russian]. Trans. from the French by A. T. Bikbov et al. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Institut eksperimental'noy sotsiologii / Aleteyya.

- Deléz, Zh. [Deleuze, G.] 1998. *Razlichkiye i povtoreniye [Différence et Répétition]* [in Russian]. Trans. from the French by N. B. Man'kovskaya and E. P. Yurovskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Petropolis.
- . 2011. *Logika smysla [Logique du sens]* [in Russian]. Trans. from the French by Ya. I. Svirskiy. Moskva [Moscow]: Akademicheskiiy proyekt.
- Galanina, K. E. 2012. "Problema sledovaniya pravilu v epistemologii: kharakter znaniya i transformatsiya kontsepta sub'yekta [Problem of Rule-Following in Epistemology: The Nature of Knowledge and the Transformation of the Notion of Subject]" [in Russian]. PhD diss., MGU im. Lomonosova.
- Kripke, S. A. 2010. *Vitgensteyn o pravilakh i individual'nom yazyke [Wittgenstein on Rules and Private Language]* [in Russian]. Trans. from the English by V. A. Ladov and V. A. Surovtsev. Moskva [Moscow]: Kanon+.
- Kuznetsov, V. Yu. 2008. "Sdvig ot klassiki k neklassike i narashchivaniye poryadkov refleksii v filosofii [The Shift from 'Classical' to 'Non-Classical' Philosophy: Building Levels of Reflection]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]*, no. 1: 3–18.
- . 2016. "Razlicheniye i otozhdestvleniye kak bazovyye operatsii konstituirovaniya yedinstva mira [Differentiation and Identification as Basic Operations for Constituting of the Unity of the World]" [in Russian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya [RUDN Journal of Philosophy]*, no. 1: 27–34.
- Latur, B. [Latour, B.] 2014. *Peresborka sotsial'nogo [Reassembling the Social]: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu [an Introduction to Actor-Network-Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Polonskaya. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Lem, S. 2003. "Kul'tura kak oshibka [Wilhelm Klopfer 'Die Kultur als Fehler']" [in Russian]. In *Biblioteka XXI veka [The Twenty-First Century Library]*, trans. from the Polish by L. Veksler, 122–136. Moskva [Moscow]: AST.
- McGinn, C. 1984. *Wittgenstein on Meaning. An Interpretation and Evaluation*. Oxford: Blackwell.
- Narodnyye russkiye skazki A. N. Afanas'yeva [Russian Fairy Tales, Collected by A. Afanasyev]* [in Russian]. 1984–1985. 3 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Papush, M. 2001. *Psikhotekhnika ekzistentsial'nogo vybora [Applied Psychology of an Existential Choice]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
- Pereslegin, S. B. 2005. *Samouchitel' igry na mirovoy shakhmatnoy doske [World Chess Board Player's Handbook]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: AST / Terra Fantastica.
- Petryakov, A. M. 2008. *Sal'vador Dali. Bozhestvennyy i mnogolikiy [Divine and Diverse Salvador Dali]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Piter.
- Rozov, M. A. 1987. "Problema tsennostey i razvitiye nauki [Problem of Values and the Development of Science]" [in Russian]. In *Nauka i tsennosti [Science and Values]*, 5–27. Novosibirsk: Nauka.
- . 2006. *Teoriya sotsial'nykh estafet i problemy epistemologii [Social Relay Theory and the Problems of Epistemology]* [in Russian]. Smolensk: SmolGU.
- . 2012. "Osnovnyye polozheniya teorii sotsial'nykh estafet [Fundamental Principles of the Social Relay Theory]" [in Russian]. In *Filosofiya nauki v novom videnii [Philosophy of Science in a New Perspective]*, 82–107. Moskva [Moscow]: Novyy khronograf.

- Sartr, Zh.-P. [Sartre, J.-P.] 1989. "Ekzistentsializm — eto gumanizm [L'existentialisme est un Humanisme]" [in Russian]. In *Sumerki bogov [Twilight of the Gods]*, trans. from the French by A. A. Sanin, 319–344. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Stépin, V. S. 1992. "Stanovleniye idealov i norm postneklassicheskoy nauki [The Making of Ideals and Standards of Postnonclassical Science]" [in Russian]. In *Problemy metodologii postneklassicheskoy nauki [Problems of the Postnonclassical Science Methodology]*, 3–16. Moskva [Moscow]: IF RAN.
- Vitgenshteyn, L. [Wittgenstein, L.] 1994. *Filosofskiye issledovaniya [Philosophische Untersuchungen]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 75–319. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- Volkov, V. V. 1998. "'Sledovaniye pravilu' kak sotsiologicheskaya problema [Rule-Following as a Sociological Problem]" [in Russian]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Journal of Sociology]*, no. 3/4: 13–26.
- . 2009. "Slova i postupki [Words and Actions]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 8 (1): 56–60.